

ГЕННАДИЙ ЛЕВИЦКИЙ

МАРК
КРАСС

РОМАН-БИОГРАФИЯ

Геннадий Михайлович Левицкий Марк Красс. Роман-биография

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180134

Вече;

Аннотация

Роман «Марк Красс» – это жизнь и смерть, успехи и неудачи римского сенатора, консула, триумвира, военачальника, самого богатого человека в Вечном городе и первого в мировой истории предпринимателя (в нашем понимании этого слова). Марк Красс уникальный человек, но за две тысячи лет, прошедшие с момента его смерти, великое множество безумно талантливых людей – точно так же, как он – достигли вершины могущества и закончили трагично – на дне бездонной пропасти. Чтобы не повторить ошибок наших далеких предков, придется, как минимум, познать их жизнь.

Содержание

От автора	6
Беглецы	14
Ночной гость	23
В пещере	29
Добрые вести	39
Малака	47
Африка	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Геннадий Михайлович Левицкий Марк Красс

Роман «Марк Красс» – это жизнь и смерть, успехи и неудачи римского сенатора, консула, триумвира, военачальника, самого богатого человека в Вечном городе и первого в мировой истории предпринимателя. В книге нашли отражение практически все сведения об этой удивительной личности, дошедшие до нас сквозь толщу двух тысячелетий.

Читатель в увлекательной форме получит много информации о привычках и быте римлян, об интереснейших фактах из жизни последних титанов умирающей республики. Он не только познакомится с наиболее ярким периодом римской истории, но и сможет найти параллели, которые сближают время Красса с современным этапом нашей истории.

Марк Красс уникальный человек, но за две тысячи лет, прошедшие с момента его смерти, великое множество безумно талантливых людей – точно также как он – достигло вершины могущества и закончило трагично – на дне бездонной пропасти. Чтобы не повторить ошибок наших далеких предков, придется, как минимум, познать их жизнь.

События, описываемые в книге, происходили с 88 по 53 гг. до н. э. Место действия: Рим, Италия, Африка, Греция,

Месопотамия – везде, где оставил свой след герой романа.

От автора

Что же представляло собой государство, в котором жили герои романа – реальные исторические личности?

I в. до н. э. стал переломным для Вечного города. Часы истории отбивали последние минуты старой римской республики, а на смену ей спешила империя. Но – что для истории лишь миг – для человека целая жизнь. Смена государственного строя – процедура чрезвычайно долгая и болезненная, и Рим заплатил за нее слишком высокую цену.

Это было время великих побед и страшных поражений; время, когда рушились древние устои и традиции, а законы нарушались в угоду и к выгоде одного человека; время, когда человеческая кровь ценилась не дороже вина.

То, что происходило в I в. до н. э. не могли увидеть даже в страшном сне законопослушные римляне в прежние времена. Европа, Азия, Африка, Средиземное море, кварталы и улицы Вечного города – все стало полем битвы, где римские граждане сражались со своими же соотечественниками. Мятежи, восстания и междоусобные войны римских полководцев стали обычным явлением. Потери в гражданских войнах были таковы, что их можно сравнить лишь с потерями во Второй Пунической войне, самой кровавой в истории Рима.

Казалось бы, государство, раздираемое смутами и усобицами, должно стать легкой добычей соседей. Но вот один из

феноменов необычайной жизнестойкости Рима. Именно в I в. до н. э. были совершены самые значительные завоевания римского государства. Решая с помощью огня и меча внутренние проблемы, римляне «между делом» покорили множество народов в трех частях света: Европе, Азии и Африке.

В I в. до н. э. Рим присоединил к себе восемнадцать новых провинций. Вот они: Киликия – образовалась в 92 г. до н. э., Крит и Киренаика – в 75, Понт и Вифиния – в 74, Сирия и Палестина – в 63, Галлия Лугудунская – в 52, Белгика – в 52, Аквитания – в 52, Нумидия – в 46, Египет – в 30, Иллирик – в 27, Ахайя – в 27, Галатия – в 25, Лузитания – в 19, Реция – в 15, Норик – в 15, Мезия – в 15, Паннония – в 10, Далмация – в 6 г. до н. э.

Рим сражался с несколькими противниками сразу. Он вел чрезвычайно тяжелую войну со Спартаксом, затяжную войну в Испании с мятежным Квинтом Серторием. При этом проконсул Марк Лукулл подчинял фракийцев, а его брат Луций Лукулл громил войска понтийского царя Митридата.

Где же Рим черпал силы, чтобы одновременно сражаться на несколько фронтов? Ответ на этот вопрос мы получим, если обратимся к истории Югуртинской войны, которую Рим вел с нумидийским царем с 111 по 105 г. до н. э.

Война с небольшим африканским государством казалась легким делом, но в итоге растянулась на долгие годы. Легионеры воевали крайне неохотно, а их командиры и вовсе получали от Югурты золото за то или иное попустительство.

Рим терпел неудачу за неудачей, и конца не было видно позорной войне.

Положение изменилось лишь когда в 107 г. до н. э. был избран консулом Гай Марий.

Прежде всего, Марий взялся за армию. До него в римские легионы набирались только зажиточные граждане, и был установлен соответствующий имущественный ценз. По римским законам оружие имели право носить лишь достойные, чьи движимость и недвижимость служили надежным залогом. Конница комплектовалась из богатого сословия всадников, которые обязаны были являться на службу с собственным конем и вооруженные за свой счет.

Во время войны против нумидийского царя проявились все пороки и изъяны римской военной системы. Зажиточные землевладельцы мечтали не о сражениях, а о том, как бы живыми вернуться к своим виллам и виноградникам. Их хозяйства приносили неплохую прибыль, и военная добыча была малой наградой даже при удачной военной компании. Всадническое сословие и вовсе не имело желания рисковать жизнью. Оно занималось ростовщичеством, торговлей и прочими доходными делами. Во время Югуртинской войны малочисленная конница являлась чем-то вроде почетной охраны при военачальнике и не играла никакой роли на поле боя.

Марий начал набирать в легионы беднейших римских граждан. Они вооружались за счет государства и обучались по ускоренной системе, сходной с системой подготовки буду-

щих гладиаторов. Привлекались к службе не только римские граждане, но и контингент из числа союзников, а также коренное население провинций. В конницу брали не согласно имущественному цензу, а отдавали предпочтение умеющим обращаться с конем, держаться в седле и желавшим служить. Коня также давало государство.

Живший впроголодь римлянин теперь получал хороший паек, денежное жалование, свою долю в добыче и вовсе не стремился вернуться во времена безрадостного существования. Его образом жизни становилась война, а наступавший мир не сулил ничего хорошего. С каждой битвой росло его мастерство, а вместе с ним жалование и надежда, став ветераном, получить неплохой участок земли.

Армия становилась профессиональной и более боеспособной. Таков положительный итог реформы Гая Мария, но позже проявились отрицательные последствия его преобразований.

Это была армия уже не римского народа, а отдельного военачальника. Легионеры были лично преданы своему командиру и готовы выполнить любой его приказ. И преданность была тем выше, чем удачливее был военачальник, чем больше материальных благ он мог доставить своим легионерам. Войско боготворило полководца, умеющего побеждать. Под его началом легионеры согласны были идти куда угодно и воевать против кого угодно.

Оружие в руках профессионала – залог победы над вра-

гом, но оружие в руках человека, не обремененного имуществом и моральными принципами, – страшная сила. Он сражается за добычу с врагами, но при случае не прочь поднять меч и на своих сограждан.

С новым войском Гай Марий разбил Югурту, остановил нашествие на Италию тевтонов и кимвров, одержал победу в Союзнической войне. Однако, имея за плечами преданную армию, Марий совершенно перестал считаться с сенатом и римским правом. Вопреки всем законам он семь раз избирался консулом. Ни с кем и ни с чем не считался Марий, когда нужно было наградить собственных легионеров. Однажды сразу после боя он даровал римское гражданство двум отличившимся когортам италийских союзников. Когда в сенате заметили, что у него на это нет права, военачальник ответил, что в шуме боя он не мог расслышать голос закона.

В конце концов, Гай Марий столкнулся с другим талантливым римским военачальником, и это привело к гражданской войне – долгой, кровавой и не нужной Риму.

I в. до н. э. зажег на небосклоне мировой истории множество талантливых ярких личностей: Гая Мария, Луция Суллу, Гнея Помпея, Луция Лукулла, Марка Цицерона, Гая Юлия Цезаря... В полной мере к ним можно отнести и Марка Лициния Красса. Интересы его разносторонни, поле деятельности и вовсе безгранично. Он уступал в ораторском искусстве Цицерону, а военным талантом не мог сравниться с

Цезарем, но добился потрясающих успехов благодаря своей железной воле, целеустремленности и неутомимой энергии.

Еще со школьной скамьи мы помним Красса как полководца, подавившего самое крупное в истории Рима восстание рабов под предводительством Спартака. Многие знакомы с замечательным романом Раффаэлло Джованьоли «Спартак». Произведение написано чрезвычайно талантливо, но художественный вымысел в нем преобладает над историческими фактами. Например, немало страниц посвящено пылкой любви патрицианки Валерии Мессалы к вождю рабов. Любовь разбойника и благородной дамы присутствует в сюжете многих произведений, как прошлого, так и настоящего. Увы! Ее не могло быть в реальной жизни. Времена развратной Мессалины еще не настали, а жена всеильного диктатора Суллы не могла опуститься до позорной связи с рабом, будь он даже родом из благородного сословия.

Согласно историческим источникам, настоящая жена Спартака была продана с ним в рабство; с ним она и находилась, когда великий гладиатор зажег факел войны с Римом. Реальная жена Спартака есть и в нашем романе, а вдове Суллы предоставим право скорбеть по мужу, который оставил мир земной за четыре года до восстания Спартака.

Столь же реальна в нашем романе и другая женщина – весталка Лициния, которая невольно едва не погубила Марка Красса. У Плутарха мы находим: «В более зрелом возрасте он <Красс> был обвинен в сожителстве с одной из дев-

весталок – Лицинией... У Лицинии было прекрасное имение в окрестностях Рима, и Красс, желая дешево его купить, усердно ухаживал за Лицинией, оказывая ей услуги, и тем навлек на себя подозрения. Но он как-то сумел, ссылаясь на корыстолюбивые побуждения, снять с себя обвинения в прелюбодеянии, и судьи оправдали его. От Лицинии же он отстал не раньше, чем завладел ее имением».

Большое место в нашем романе уделено описанию похода Марка Красса на Парфию. Эта кампания была заветной мечтой Красса, самым грандиозным его предприятием. Впрочем, не только его.

Как спустя шестнадцать веков будут манить испанских конкистадоров сказочные богатства инков и ацтеков, так Восток манил римлян. При одном лишь упоминании таких далеких стран, как Парфия, Армения, Понт, Индия, у каждого, даже самого нищего и никчемного римлянина, глаза загорались алчным блеском. Тем более, перед ними стояли живые примеры быстрого обогащения. Луций Лукулл после войны с понтийским царем Митридатом и армянским Тиграном сравнялся богатством с Крассом, а роскошью даже превзошел его. Помпей после победы над Митридатом захватил столько сокровищ, что, хотя его триумф длился два дня, военачальнику не хватило времени показать Риму всю добычу.

Неудивительно, что и Марк Красс рвался на Восток, а чем закончились его честолюбивые устремления, мы узнаем,

прочитав роман.

Беглецы

Греческая триера мерно покачивалась на волнах. Разомлевшие на солнце рабы лениво шевелили веслами. Их никто не торопил. Корабль медленно приближался к скалисто-му островку, покрытому кустарником.

На носу триеры стоял молодой человек и напряженно смотрел вдаль. Легкий ветерок трепал его дорогую тунику и ласкал густые, черные как смоль волосы. Волевой подбородок и большой орлиный нос выдавали в нем истинного римлянина. Впрочем, нос несколько его не портил, да и разве возможно сплав молодости и силы обезобразить такой мелочью. За спиной молодого человека стояли два раба, готовые исполнить любое приказание.

– Зовите капитана! – негромко, но требовательно произнес римлянин.

Молодой раб тотчас бросился на поиски требуемого лица. Вскоре явился грек, по внешности вылитый пират.

– Видишь бухточку между скалами? – указал рукой римлянин. – Правь туда.

– Вокруг скалы, и позволит ли глубина моря войти в бухту? – пришедший размышлял: стоит ли выполнять этот приказ.

– Здесь глубоко до самого берега. Я прекрасно знаю эти места, – успокоил капитана римлянин, но по тону голоса

можно было понять, что он не потерпит возражений.

– И как долго мы будем оставаться на острове? – не унимался грек.

– До наступления темноты. Затем поплывем к испанскому берегу.

– Ночью!?! Помилуй, римлянин, ты погубишь мою триеру!

– Повторяю, мне хорошо известно здешнее море, и твои опасения бессмысленны.

– Ночью можно налететь на риф, сесть на мель, – не унимался морской волк.

– Перестань дрожать из-за старой развалины. Даже если мы разобьемся, денег, которые ты содрал с меня, хватит да новое превосходное судно.

Капитану ничего не оставалось делать, как подчиниться властному пассажиру. Как последний и обещал, триера благополучно вошла в бухту, и моряки бросили сходни. Первым ступил на берег римлянин.

– Благословенный клочок испанской земли, Марк Лициний Красс приветствует тебя! – он раскинул руки, словно желал обнять этот маленький скалистый островок.

– Тише, Марк, прошу тебя... – испуганно промолвил подошедший соплеменник.

– Не бойся, Сервий, здесь нечего делать человеку, а чайки не предадут.

– И что? люди совершенно не посещают остров? – вступил в разговор второй товарищ Красса.

– Кому нужны эти скалы, Децим?

– Может, есть смысл переждать смутное время здесь? Возьмем у капитана лодку, наши рабы построят хижины...

– Нет, друзья, – отрицательно покачал головой Марк Красс, – на материке есть убежище гораздо лучше. Завтра вы сможете убедиться в этом.

Тем временем моряки и рабы покинули судно. Последним сходил толстый повар Красса. Он тяжелее всех переносил непривычное морское путешествие. К концу плавания бедняга только успел освоиться на море, как пришлось вновь привыкать к земле. Повару казалось, что земля качается, и оттого он шел мелкими шажками, балансируя при этом руками. Несмелые потуги толстяка вызвали у моряков настоящий приступ веселья.

– Эй, Требоний, иди смелее, мы подержим землю! – раздался крик, и несколько человек уцепились за траву, подтверждая действиями свои благие намерения.

– Это у него живот качается и мешает идти! – крикнул кто-то. – Отъелся за плавание, как жертвенный бык.

– Подожди, Требоний, мы подержим твой живот! – два моряка бросились на помощь толстяку.

Они не успели. Неведомая сила вдруг повела Требония влево и бросила прямо на большой куст, усеянный колючками. Его оханья и стоны заглушил новый раскат дружного хохота.

Вдоволь насмеявшись, моряки принялись готовить нехит-

рый ужин. Особого их почтения удостоился солидный бочонок. То и дело мореходы подходили к нему и, согнув спину в поклоне, цедили вино в кружки. Поодаль рабы римлян накрывали свой стол. Только повар Красса валялся рядом со злосчастным кустом. Требоний добросовестно пытался встать на ноги и приступить к своим обязанностям, но у него ничего не вышло. Вдобавок к морской болезни и ушибленному боку тело его оказалось утыкано колючками, как у ежа.

– Скорее всего, римляне останутся без ужина, – подвели итог моряки.

Марк Красс в это время о еде думал менее всего. Вместе с капитаном он взобрался на самую высокую скалу острова и, видимо, знакомил его с дальнейшим маршрутом. Рука Красса то и дело указывала на видневшийся вдали берег материка.

Когда на землю опустились сумерки, триера покинула остров. К радости капитана и неудовольствию Марка Красса, ночь видалась лунная. Впрочем, испанского берега судно достигло благополучно, чем оба были чрезвычайно довольны.

На берег сошли только Красс, два его товарища и с десятков слуг.

– Отчаливай! – махнул рукой римлянин капитану.

– Удачи тебе, Марк Красс! – пожелал грек.

Маленький отряд вышел на тропинку, идущую вдоль берега. Постепенно тропинка углублялась в лес. Когда море

скрылось за деревьями, Красс резко изменил направление. Теперь отряд с трудом продирался сквозь заросли девственного леса.

– Марк, чем тебе не понравилась тропа? – спросил Децим, осматривая одежду, превратившуюся в лохмотья.

– Прибудем на место, Децим, наденешь другую тунику; а головы другой не найдешь. Иногда приходится делать выбор: что надо беречь, а чем можно пожертвовать.

– Из-за твоих предосторожностей я едва не лишился глаза, а он для меня кое-что значит, – продолжал ворчать Децим.

Поплутав по лесу и пройдя не менее трех миль¹, римляне вновь вышли к морю. Солнце давным-давно взошло. В морской дали виднелась черная точка – это уплывала доставившая путешественников триера. Возмущению Децима не было предела. Он поискал глазами виновника своих мучений, но тот словно сквозь землю провалился.

– Где Марк? – растерянно спросил Децим спутников. Те оторвали взгляд от удалявшегося судна и только сейчас заметили, что их друг, господин и проводник бесследно исчез.

– Марк! Марк Лициний Красс! – принялись они дружно звать товарища.

Внезапно, шагах в пяти от них, в расщелине скалы показалась взлохмаченная голова Красса.

– Не кричите, словно в цирке, – строго предупредил он, –

¹ Римская миля – 1480 м.

если, конечно, не хотите заменить гладиаторов на арене. Марий и Цинна могут обеспечить вам такое времяпровождение. Идите лучше знакомиться с новым жилищем.

Вскоре весь отряд Красса оказался в пещере. Единственное, массу хлопот им доставил повар, который никак не мог протиснуться в узкую расщелину, служившую входом. Несчастный Требоний несмело предложил расширить вход. Однако его спутники нашли предложение неразумным и решили проблему иначе. Два человека принялись тащить его изнутри, а несколько рабов подпихивали снаружи. Рабы получали редкое удовольствие, толкая повара, и когда толстяк наконец пролез в пещеру, у них был вид детей, у которых отняли любимую игрушку.

Пещера была великолепна, как и все созданное лучшим творцом – природой. Высота сводов была такой, что самый высокий человек, стоя во весь рост с вытянутой вверх рукой, не мог достать до потолка. Сразу за входом следовал просторный зал, расходившийся в стороны в виде больших сообщающихся между собой гротов. Так как вход находился на южной стороне, то через него в пещеру проникало солнце, и в зале было светло весь день. В одном из гротов наружу выходил небольшой родник. Вода была необычайно приятна на вкус и не являлась дополнительным источником влажности – стены пещеры не впитывали влагу благодаря высокой плотности камня. Воздух был чист и хранил в себе запахи

леса и моря.

Новое жилище понравилось всем. Равнодушным остался лишь Требоний. Впрочем, это можно понять: после выпавших на долю повара испытаний его решительно ничего не интересовало в этом мире.

– Эту пещеру мы обнаружили с Вибием Пацианом, когда мой отец был наместником Испании. Пещера – наша тайна и, я надеюсь, осталась ею.

– А что за кости там, в углу? – настороженно спросил Децим.

Красс бросил равнодушный взгляд на предмет тревоги Децима.

– Когда мы с Вибием нашли эту пещеру, они лежали точно так же. Насколько я вижу, их не стало больше или меньше. Это хороший признак – значит, пещерой никто не пользовался.

– Но откуда они взялись и кому принадлежали?

– Скорее всего, эту пещеру использовали для жилья люди.

– Так они могут вернуться, – предположил Сервий.

– Нет. Люди жили здесь давным-давно. Может быть, тысячу лет назад. Видите, рядом с костями валяются камни, похожие на орудия труда, – Красс поднял один из них. – Вот этот напоминает топор, и явно человеческая рука его точила и шлифовала. Жители пещеры были настолько дикими, что не знали металла. Здесь лежат кости животных, и один скелет принадлежит человеку. В конце второго грота вы найдете

останки еще трех человек. Возможно, следующий грот служил гробницей.

– Все это интересно, – подвел итог Децим, – но соседство с костями – принадлежат ли они человеку или скотине – меня мало привлекает.

– Прикажем рабам вынести и закопать, – решил проблему Красс. – Меня больше волнует другое: продовольствие на исходе. Придется просить помощи у Вибия Пациана.

– Ты сомневаешься в его преданности? – спросил Сервий.

– Нет. Вибий мой друг и человек благородный, но встречаться нам опасно, для обоих в равной мере. Я не хочу, чтобы из-за меня пострадал этот добрейший человек. Мой повар бывал в прежние времена в доме Вибия, однако он слаб духом, а после путешествия и вовсе превратился в развалину.

– И фигура у него приметная, – согласился Децим.

– Сумеет ли мы вообще извлечь Требония из пещеры? Столько трудов стоило затолкать его сюда, – поддержал Сервий.

– Путешествовал со мной еще Галл, – продолжил Красс, – однако в то время ему было лет десять от роду. Сумеет ли он найти поместье Вибия?

– Зачем гадать, если можно его спросить, – предложил Сервий.

– Галл, – обратился Красс к явившемуся на зов молодому рабу, – помнишь ли ты приморское поместье Вибия Пациа-

на?

– Помню. Хороший господин, добрый, кормил хорошо...

– Сможешь найти к нему дорогу?

– Конечно, – уверенно ответил раб, – вилла ведь недалеко от моря, и мы у моря. Покажи только, господин, в какую сторону идти.

– Не перепутаешь ли ты дом Пациана с чьим-нибудь другим?

– Разве можно перепутать? Такого красивого дома я не видел на всем побережье, сколько мы с тобой ни ездили, господин.

Красс с друзьями еще добрый час давали наставления рабу и лишь с наступлением темноты выпроводили его из пещеры. Римляне, взбудораженные богатым событием днем, долго не могли уснуть.

– Марк, а если твоего раба схватят?

– Не беспокойся, Децим, Галл не предаст. Он родился и вырос в нашей семье и скорее расстанется с жизнью, чем причинит мне хотя бы малейший вред.

Ночной гость

Как раб ждет обещанной свободы, как пылкий любовник жаждет встречи с женщиной своей мечты – так поджидали римляне возвращения юного посланника. Утомленного Галла засыпали вопросами. От несчастного раба требовали ответа: на чьей стороне Испания – Суллы или Мария, кто теперь наместники Ближней и Дальней Испании...

Галл от таких вопросов только часто моргал, забыв даже снять с плеча тяжелую корзину с продовольствием. Наконец Марк Красс понял всю комичность ситуации. Он взял у раба корзину и спросил:

– Передал ли Вибий что-нибудь на словах?

– Да, господин. Он сказал, что завтра ночью навестит тебя.

– Хорошо, Галл, я тобой доволен. А теперь иди, отдыхай.

– Ты его отпускаешь? – возмутился Децим. – Ведь он ничего не рассказал.

– О боги! – воскликнул в сердцах Красс. – Перед вами раб, а не консул или претор.

Следующую ночь вместо рабов на страже бессменно стоял Марк Красс. Час за часом он напряженно ловил ночные звуки: шорох листвы, шум прибоя, птичий щебет. Лишь к полуночи его утомленное ожиданием сердце учащенно забилось. Вначале он услышал далекие шаги, а вскоре в свете

луны появились и две фигуры. Одна шла, согнувшись под тяжестью корзины, во второй Красс признал еще более раздобревшего Вибия Пациана. Он пошел навстречу гостям, и друзья встретились с крепкими искренними объятиями.

– Вибий! Ты все растешь вширь! – заметил Красс.

– А ты, Марк, почти не изменился. Разве что, лицо приобрело мужественные черты.

Слуга Вибия между тем оставил корзину и удалился на почтительное расстояние.

– Побеседуем здесь, друг. Моим спутникам незачем видеть тебя, а рабам тем более, – предложил Красс и уселся на поваленное дерево.

Вибий последовал его примеру.

– Пригодилась наша пещера! — удовлетворенно произнес гость. — А я, признаться, про нее совершенно забыл.

– Еще как пригодилась. Ты бы видел, какое из нее получилось великолепное жилище. Там есть все, что имеет обычный дом: спальня для меня с товарищами, комната для рабов, кухня, кладовая. Рабы плетут из виноградной лозы кровати, сушат мох для лежанок. Право же, мне намного уютнее здесь, чем в суетливом, грязном, продажном Риме.

– Будет ли долговечна твоя любовь к первобытной жизни? – философски заметил Вибий.

– Все зависит от воли богов. В последнее время они не благосклонны к Вечному городу и моей семье.

– Что же произошло, Марк?

– А разве ты ничего не знаешь?

– Слухи, что доходят до нас, сильно разнятся. Впрочем, это можно понять – их доносят люди, а они одно и то же событие видят в разном свете. Все зависит от их убеждений, моральных принципов и многого другого. Понял я лишь одно: Великий Рим раскололся на две части, нет больше единства, римский гражданин поднял меч на себе подобного.

– Ты прав. Рим разделился надвое, причем город находится в руках худших граждан. Однако попробую рассказать все по порядку. – Марк Красс на минуту замолчал, видимо, собираясь с мыслями. – А началось все с того, что Рим покинул единственный человек, который мог предотвратить беду: Луций Корнелий Сулла отправился с войском на Восток. Сулла, конечно, не был идеалом, но одни его боялись, другие уважали, а главное – за плечами Суллы стояли преданные легионы. Тем временем подоспели выборы консулов. Власть досталась Гнею Октавию и Луцию Корнелию Цинне – злейшему врагу Суллы. Чтобы добиться консульства для Цинны, народу обещали все: бесплатную землю, прощение долгов, избавление от всех налогов, раздачу хлеба. Его сторонники лезли из кожи, когда льстили черни, и тем самым будили в ней самые низменные чувства.

– Но ведь это подло – льстить народу, – не выдержал Вибий. – Народ слеп и идет туда, куда ведут мужи, стоящие над ним.

Красс хотел продолжить речь, но возмущенный друг

вновь прервал его:

– О Юпитер всемогущий! Как низко пал Великий Рим! Когда-то Нума Помпилий добивался любви народа мудрым правлением. Фурий Камилл покорял сердца римлян военными подвигами и храбростью. Нынче народ привлекают лестью и обещаниями, чтобы с его же помощью уничтожить лучших людей Рима.

– Дорогой Вибий, ты живешь в провинции и, наверное, не знаешь, что раздавать невыполнимые обещания перед выборами уже давно в порядке вещей. Беда в том, что новые консулы принялись выполнять свои обещания. Вместо того, чтобы завоевать и присоединить к Риму новые провинции, они начали отбирать виллы в Италии и раздавать их плебейам и вольноотпущенникам. Деньги на хлебные раздачи отнимались у патрициев и богатых всадников. Приверженцы Суллы преследовались в судебном порядке, и без всяких законов. В скором времени чаша терпения лучших людей Рима переполнилась. Цинну и его приспешников с позором изгнали, но это было ошибкой. Цинна начал создавать войско из римских союзников-изменников. Принимались пастухи, земледельцы, городские бездельники, живущие на подачки, и даже рабы. К Цинне примкнули Квинт Серторий и Гай Марий Младший, в Этрурии принялся сколачивать войско Гай Марий Старший. Этот герой опустился до того, что начал вооружать сельских рабов, причем целыми казармами.

Оба войска объединились и окружили Рим. Город был от-

резан от хлебных запасов, которые хранились в Анции, Ариции, Ланувии и других ближайших к нему городках. Однако погубил Вечный город не голод, погубила его подлость. Через посланных в Рим глашатаев Цинна обещал даровать свободу тем рабам, которые перейдут на его сторону. Опасаясь беспорядков, сенат принял все условия Цинны и Мария, взяв с них обещание: не устраивать резни.

Велика ли цена слова людей, поднявших меч на римский сенат и приведших к стенам города толпы варваров и рабов? В числе первых жертв беззакония стал всенародно избранный консул Гней Октавий. Добродушный, беззлобный человек сидел в консульском одеянии в окружении ликторов, когда к нему приблизился любимец Цинны Цензорин. Без лишних слов он отрубил Октавию голову и вытер окровавленный меч о консульскую тогу.

Впервые римский консул погиб не в бою с врагом, а от руки соотечественника. Бедняга не был даже удостоен погребенья. Голову консула, словно голову преступника, выставили на форуме перед ораторской трибуной. Погибли многие видные сенаторы: родные братья Гай и Луций Юлии, Публий Лентул, Гай Нумиторий, Марк Бебий, блестящий оратор Марк Антоний. Их тела долго терзали хищные птицы и бродячие псы, а головы для устрашения поместили рядом с головой консула Гнея Октавия.

Безнаказанно убивали друг друга политические противники, должники с мечами гонялись за своими кредиторами.

Рабы, призванные в войско Мария и Цинны, принялись грабить всех и вся. После того как пострадали имения соратников Цинны, тот приказал отряду галлов окружить казармы рабов и всех перебить.

– Страшные вещи рассказал ты мне, Марк, – не выдержал Вибий Пациан. – Возможно ли такое в славном Риме? Где же был Сулла? Почему не пришел на помощь сенату?

– Сулла сражается с Митридатом и едва ли имеет представление о постигшем Рим бедствии. Его дом разрушили, имущество разграбили. Искали жену Суллы и детей, но они успели скрыться.

– А как твоя семья, Марк? – осторожно спросил Вибий.

Лицо Красса потемнело, и после паузы он произнес упавшим голосом:

– Старшего брата убили всадники Фимбрии. Отец, во избежание недостойных своей доблести оскорблений, бросился на меч.

– Прости, друг, я причинил боль своим вопросом...

– Не стоит извиняться, Вибий. Боль притупило время, осталось лишь желание отомстить... Да хранят боги Суллу! Это единственный человек, способный навести порядок в Риме.

В пещере

С той поры, как жители пещеры установили связь с Вибием Пацианом, они не испытывали недостатка ни в чем. Ежедневно управляющий именем приносил еду и необходимые вещи, ставил все на камень у входа в пещеру и удалялся. Чтобы раб исполнял свои обязанности как можно лучше, Пациан пообещал ему свободу, но не забыл и пригрозить смертью за болтливость.

Продукты доставлялись в таком изобилии, что их не успевали съесть не только римляне, но и рабы. Спустя месяц Децим предложил:

– Марк, давай попробуем вытолкать из пещеры Требония, иначе повара придется оставить здесь навсегда.

Красс окинул толстяка оценивающим взглядом.

– Поздно, Децим. Попрошу Вибия подыскать нового повара.

После этих слов Требоний до того перепугался, что за обедом отказался от еды, но к ужину, не в силах больше сдерживаться, съел двойную порцию.

Щедрость Вибия Пациана не знала границ: на столе Красса было все, что произрастало на вилле друга, а, кроме того – греческие вина и напитки родной Италии, восточные сласти и экзотические плоды Африки.

Марк Красс чувствовал себя вдвойне неловко. Во-первых,

ему не хотелось доставлять лишние хлопоты Вибию. Во-вторых, римлянин с детства привык к воздержанию во всем. Отец его избирался цензором, одной из обязанностей которого был надзор за поведением граждан. Старший Красс был ревностным проповедником римской умеренности старых времен и беспощадно боролся с любыми проявлениями роскоши. Он считал (и не без оснований), что усилившаяся в последнее время тяга к излишествам пагубно влияет на римлян.

Весьма сомнительно, что Крассу-цензору удалось наставить на путь истинный римлян, но семья его строго придерживалась старинного обычая «бедности». Марк жил в небольшом отцовском доме вместе с двумя братьями. Когда те женились, дом стал походить на муравейник. Многочисленные жильцы относились друг к другу с любовью и пониманием, безоговорочно подчиняясь старшему Крассу.

На огромный обеденный стол семейства сенатора и цензора подавались те же блюда, что и в каждой плебейской семье. Посудой пользовались самой обычной. Золотые и серебряные чаши, кубки, большей частью доставшиеся от предков, выставлялись только для угощения почетных гостей.

Привыкший к простой пище, Марк Красс тяготился щедростью Вибия Пациана. При встрече с ним Красс просил сократить количество доставляемого провианта и ограничиться продуктами, произрастающими на вилле:

– Вибий, дорогой, это никуда не годится – мои рабы в пещере питаются лучше, чем я в отцовском доме. Они же взбунтуются, если у меня появится возможность вернуться в Рим.

– На твою долю выпало столько испытаний, и я хотел порадовать друга хоть чем-нибудь, – признался прямодушный толстяк.

– Ты явно перестарался, и если будешь продолжать в том же духе, то мне придется отсылать половину продуктов обратно на виллу, – решительно предупредил Красс. – Чрезмерность вредна во всем. Она стала причиной гибели Марка Антония во время недавних событий.

– Каким образом?

– Антоний укрывался от бесчинств марианцев на вилле своего знакомого. Тот был горячим поклонником оратора и старался всячески ему угодить. Он так часто посылал раба на постоянный двор за вином, что пробудил любопытство вино-торговца. Торговец стал допытываться у раба: для чего хозяину столько дорогого вина? Раб, то ли по глупости, то ли прельщенный наградой, все и выболтал. Марий, узнав, где прячется его заклятый враг, едва сам не бросился расправляться с Антонием. Его с трудом удержали товарищи, а свершить черное дело послали военного трибуна. Трибун собственноручно отрубил голову Марку Антонию, а его legionеры лишили жизни гостеприимного землевладельца и разграбили виллу.

– Хорошо, Марк, если угодно, буду морить тебя голодом, – уступил Вибий. – Однако что я могу сделать для тебя? Чем скрасить спартанскую жизнь? И учти, я не уйду, пока не признаю твою просьбу достаточно весомой заменой отвергнутым яствам.

– Пришли мне пищу для ума. Я видел у тебя в библиотеке две книги Аристотеля...

– Завтра они будут у тебя в руках.

Вибий Пациан, щедрость которого была безгранична, в ближайшие ночи прислал целую библиотеку. Подарок был весьма кстати: работы по благоустройству пещеры закончились, и обитатели ее не знали, как убить время. С тех пор друзья целые дни проводили за чтением, которое, как правило, заканчивалось философскими спорами. В будущем занятия эти принесли практическую пользу Марку Крассу.

Так минули еще два месяца безмятежной жизни. А затем произошло событие, заставившее обитателей пещеры изрядно поволноваться.

Однажды ночью Красс внезапно проснулся и стал чутко прислушиваться, пытаясь понять причину своего пробуждения. У входа в пещеру слышалась непонятная возня. В первые мгновения Красс подумал, что кто-то из его спутников или рабов вышел по нужде. Однако эта мысль была тут же отброшена – обитатели пещеры безошибочно ориентировались в темноте. Ночные же гости, проникшие в пещеру, про-

изводили невероятный шум: то и дело они спотыкались о нехитрую мебель и в довершение опрокинули и разбили амфору с вином. Последнее разбудило всех обитателей пещеры, но из страха все продолжали хранить молчание.

Красс лихорадочно соображал, что предпринять. Рука непроизвольно потянулась к мечу и вцепилась в рукоять.

– Господин, где ты!? – крикнул вошедший. Голос был испуганный, но нежный и – самое удивительное – женский.

В комнате рабов кто-то вскрикнул, застонал, что-то тяжелое брякнулось на землю. Эти звуки не добавили храбрости римлянам.

– Господин, откликнись! Мы твои новые рабыни, – вновь раздался дрожащий женский голос.

– Галл, зажги светильник! – приказал Красс.

Когда раб исполнил команду, взору обитателей пещеры предстали две грации редкой красоты. Первая девушка была смугла, а весь ее облик выдавал темперамент: несмотря на застывший на лице страх, красавица на пару шагов опередила подругу и теперь с любопытством разглядывала римлян. Большие красивые глаза перебегали с одного мужчины на другого, буквально завораживая каждого, а взгляд манил и дарил обещания. Несколько секунд смуглянке хватило на то, чтобы разглядеть мужчин, отделить господ от рабов, хотя они почти не отличались одеждой, и определить себе жертву. Взглянув пару раз в сторону Красса, красавица разумно оценила свои возможности и обратила взор на Сервия и Деци-

ма. Колдовской взгляд сопровождался едва заметным движением губ. Рот был несколько крупноват, однако он так дышал чувственностью и желанием, что недостаток обращался в достоинство девушки. В тонком искусстве обольщения чувствовалась школа греческих гетер.

Вторая девушка была полной противоположностью первой. Беломраморное лицо, голубые глаза, тонкий нос и маленький рот – все черты были изящны и нежны. Ее светлые волосы венчала диадема, украшенная цветными камнями. Глядя на подобное совершенство, представители противоположного пола обычно испытывают желание поклоняться ему, словно божеству, а уж обладание такой красотой – это предел мечтаний.

Тонкие белые туники не скрывали прочих достоинств девушек, наоборот, подчеркивали их. С каждым движением ткань обтягивала то грудь, то бедра, очерчивая прелесть стройных фигур. Впрочем, мужчины давно раздели их взглядами и дорисовали в своем воображении все, что скрывала материя. С тех пор как зажгли светильники, они, не отрываясь, смотрели на ночных гостей. Все страхи улетучились, как дым потухшего очага. Римлян можно было понять; да и как не понять – вот уже несколько месяцев они не видели женщин.

– Кто такие? – нарушил немую сцену Красс.

– Меня зовут Елена, я родом из Греции, – поспешила представиться черноволосая. – Подругу зовут Эппия. Ее ро-

дина на севере, среди бескрайних германских лесов и болот.

– Надо же в такой глуши родиться божественному цветку! – не сдержал восхищения Сервий.

– Как вы попали в пещеру? – сурово продолжил Красс.

– Управляющий довел нас до входа в ваше жилище и приказал войти, – пояснила Елена.

– Так, значит, вас прислал Вибий Пациан, – наконец догадался Марк.

– Именно так, мой господин. Мы были рабынями Пациана, но отныне принадлежим только тебе. Можешь использовать нас, как тебе заблагорассудится: мы умеем готовить обед, стирать одежду, вести хозяйство и многое другое...

Марк Красс почувствовал на себе изучающий взгляд белокурой красавицы. Их глаза встретились, и Марк утонул в голубой бездне. Безмолвная игра закончилась поражением римлянина. Он опустил глаза, смутившись при этом, однако тут же опомнился: его, римлянина, заставила краснеть какая-то рабыня!

– Мы не нуждаемся в прислуге. У нас достаточно рабов и есть неплохой повар.

– Марк, мы не можем их прогнать! – заволновался Сервий.

– Это почему же?

– Женщины болтливы, по крайней мере, одна из них, – пришел на помощь другу Децим. – Они могут выдать нас помимо своей воли.

– Хорошо, пусть остаются, – смягчился Красс. – А что случилось с таким грохотом, когда в пещеру вошли эти грации?

– Повар упал, – пояснил Галл.

Все направились в комнату для рабов. Их кормилец лежал на спине, широко раскинув руки и выкатив глаза, не подавая признаков жизни.

– Видно, со страха умер бедняга, – предположил Децим.

– А ты, господин, говорил, что у вас хороший повар, – заметила Елена.

– Подождите прощаться с несчастным Требонием, – подал голос Сервий, – он еще дышит. Посмотрите, над животом шевелится одежда.

– Ненасытное брюхо, – проворчал Децим, – оно и после смерти не успокоится, пока в него не положат поросенка.

– Тащите воду, – приказал Красс, – попробуем оживить повара. Галл, похлопай его по щекам.

Требония обильно побрызгали водой, рабы принялись тормошить повара, помогали Галлу бить его по щекам. Их труды быстро принесли плоды: обжора застонал и начал шевелиться. Однако рассудок вернулся к нему не сразу. Требоний вдруг заорал, словно безумный:

– Не бейте меня! Я только бедный раб! Я все расскажу...

– Подлый предатель! – Децим пнул ногой по толстому задку.

– Мерзавец! – добавил Сервий с другого бока.

Рабы с удовольствием принялись помогать господам.

– Отойдите от Требония, – пожалел своего повара Красс, – дайте же ему очнуться.

С приходом девушек у римлян поднялось настроение. Веселая, жизнерадостная гречанка прислуживала Дециму и Сервию днем и ночью. Зачастую она оставалась ночевать с ними на одном ложе. Елену нисколько не тяготило то обстоятельство, что приходилось ублажать сразу двоих. Утром она, бодрая и свежая, строила глазки Марку.

Эппия ни на шаг не отходила от Красса. Ее внимание было приятно римлянину, однако временами излишняя предупредительность утомляла. Иногда Красс, чтобы избавиться от общества белокурой красотки, отсылал ее на море стирать белье или выполнять другую работу. Но так случалось лишь в первое время. За несколько недель Эппия настолько хорошо узнала нового господина, что могла безошибочно угадать любое его желание, и, когда чувствовала себя лишней, добровольно покидала Марка.

Друзья Красса не могли нарадоваться Еленой.

– Марк, если б ты знал, какова она ночью, – хвастался Сервий. – Сколько страсти, неистовства, нежности...

– Уж если разойдется, всю ночь не даст покоя, – поддерживал его Децим. – А как твоя Эппия?

– Ничего, – неопределенно пожал плечами Красс, видимо, не желая обсуждать подробности.

– Мне кажется, она холодна как снег, среди которого ро-

дилась.

– Друзья, пылкому безрассудству я предпочитаю холодный ум. Эппия меня устраивает, и я подозреваю, что Вибий Пациан выбрал девушку специально для меня.

– И все-таки, Марк, ты много потеряешь, если отвергнешь любовь Елены. Разве ты не видишь, как она пытается набросить на тебя любовные сети? – хитро улыбнулся Децим.

– Благодарю, друзья, я понял вас. Вы предлагаете мне Елену, а сами не прочь попользоваться Эппией.

– Хотелось бы узнать, чем тебя приворожила северная нимфа, – признался Децим.

– Своей Еленой владейте безраздельно, меня она не прельщает. Можете забрать и Эппию, если согласится. Хотя она и рабыня, повторяю, не делайте ничего против ее воли. Эппия умна, красива и не заслуживает положения простой рабыни. При встрече попрошу Вибия дать ей свободу, а пока – дерзайте!

Через два дня Эппия со слезами прибежала к Крассу и упала на колени.

– Господин, не отдавай меня своим друзьям! Разве я плохо служу? Чем я тебе не угодила?

– Утри слезы, Эппия. Сегодня же скажу Дециму и Сервию, чтобы оставили тебя в покое, – пообещал Красс.

Добрые вести

Прошло восемь месяцев с того времени, как Марк Лициний Красс впервые ступил на испанскую землю. Его друг изо всех сил старался скрасить нелегкую жизнь изгнанника. Иногда по ночам Вибий Пациан навещал Красса, но сегодня, к большому удивлению последнего, он пришел днем.

– Вибий! Я тебя не узнаю. Всегда такой осторожный – и вдруг среди бела дня навещаешь врагов римских консулов.

– Марк! Ты считаешь меня трусом? – обиделся Вибий.

– Ну что ты, друг, может быть, благодаря твоей осторожности мы еще живы, – попытался исправить оплошность Красс. – Лучше расскажи, с чем пришел. По твоему возбужденному виду предполагаю, что должны быть вести из Рима.

– Умер Гай Марий.

– Не в моих правилах радоваться смерти римлянина, но эта новость – самая приятная за последний год. Марий – единственный, кто мог организовать, возглавить и даже привести к победе это стадо плебеев. Цинна, Карбон и прочие «отцы народа» горазды лишь раздавать обещания. Они соблазнили чернь на бунт и захватили власть только благодаря Марию. Он мой враг, но он великий военачальник. Рим обязан Марию многими победами, но он же и виновник многих бедствий, постигших Вечный город. Было бы гораздо лучше для Рима и для Мария, если бы он сложил голову в битвах с

тевтонами или кимврами. Шесть раз народ избирал его консулом...

– Ты ошибся, Марк. Семь раз. Впрочем, в седьмой раз Марий не считался с волей народа. Он и Цинна сами себя объявили консулами без всякого голосования. В день вступления в должность Марий приказал сбросить со скалы сенатора Секста Лициния, который имел неосторожность удивиться процедуре избрания высших должностных лиц. Великие боги не позволили Марию долго издеваться над римским законом и сенаторами – он скончался на семнадцатый день своего консульства.

– Ему удалось избежать возмездия на земле; так пусть Гая Мария покарают боги и души безвинно погубленных людей. Однако где же Сулла? Сейчас самое время навести порядок в Риме.

– Деяния Суллы достойны восхищения и изумления. В чудеса, совершенные им, трудно поверить, но слухи подтверждаются моряками с греческих кораблей.

– Говори же скорее, Вибий! – не выдержал медлительности друга Красс.

– Как ты уже знаешь, Сулла отправился во главе пяти легионов воевать с Митридатом. После бунта в Риме он был объявлен врагом и перестал получать продовольствие, деньги и легионеров. Маленькая армия оказалась в охваченной восстаниями Греции, лицом к лицу с лучшим военачальником Митридата Архалаем, на помощь которому спешила

стотысячная армия. Казалось бы, участь легионов Суллы решена. Неясно было лишь, кто явится причиной их гибели: голод, мятежные греки, Архелай или Митридат. Другой, на месте Суллы, впал бы в уныние, а менее храбрый обратился бы в бегство.

Сулла, отвергнутый Римом, и не помышлял об ином исходе, кроме победы. Чтобы добыть деньги и продовольствие, он обложил налогами Фессалию и Этолию. Хлеб для легионов удалось взять у греков, с деньгами было хуже. Тогда Сулла решился на неслыханное дело: он ограбил почитаемые всеми народами храмы Олимпии и Дельф. «Боги покарают тебя, едва ты прикоснешься к священному золоту!» – кричали жрецы. «Золото нужно людям; богам довольно молитвы», – ответил Сулла и, испросив благословения Зевса, переплавил благородные металлы храмов в звонкую монету. Вместо богов Рима на ней чеканили изображение Суллы. Золото сделало свое дело: греческие наемники в великом множестве спешили под знамена щедрого военачальника. Из Италии ежедневно прибывали недовольные переменами в Риме. Для борьбы с флотом Архелая Сулла, не имевший кораблей, нанял киликийских пиратов.

В короткий срок создав боеспособное войско, готовое идти за ним в огонь и воду, Сулла направился к самому главному городу Греции – Афинам. Афиняне накануне отказались подчиняться Риму и впустили в город понтийцев Архелая. Сулла обложил Афины со всех сторон и спокойно дожидал-

ся, пока в городе начнется голод и упадет дух его защитников. Наконец, когда его легионерам уже надоело молить о штурме, а защитники Афин устали его ждать, Сулла приказал взять город. «Воины! Перед вами самый богатый город Греции, – обратился Сулла к легионам перед штурмом, – и вы можете взять в нем любую вещь, будь то золото, дом, женщина или лошадь. Вам нужно лишь войти в Афины и взять то, что пожелает душа. Но прежде убейте этих несчастных голодных людишек, которые пытаются помешать вам завладеть законной добычей».

– Узнаю Суллу, – заметил Красс. – Его удача, равно как и жестокость, не знает границ.

– Во многих местах одновременно легионеры ворвались в город. Пощады не было ни старикам, ни женщинам, ни детям. Участь Афин разделил и Пирей. Сулла получил прозвище «Счастливый», а легионеры наградили его почетным званием «император». Наказав Афины, Сулла Счастливый направился в Фессалию и разбил там стотысячное войско Митридата.

Вибий Пациан замолчал.

– А дальше что? – нетерпеливо спросил друга Красс.

– Больше о Сулле мне нечего сказать. Думаю, тебя порадует известие из Африки. Ее наместник Квинт Метелл Пий отказался выполнять распоряжения Цинны.

– Тоже хорошая весть, – согласился Красс.

– А теперь, Марк, вернемся к началу нашего разговора.

Помнишь, ты удивился, что я пришел днем, а не ночью, как обычно?

– Думаю, есть на то причина.

– До сих пор я рассказывал тебе о событиях, происходивших на другом конце земли. Однако и мой дом не осталась в стороне от прочего мира. Сегодня утром на моей земле остановился отряд сулланцев числом примерно в пятьсот человек.

– Откуда он взялся!?

– Несмотря на твоё нетерпение, начну издалека, – сказал Пациан после недолгой паузы. – Вслед за захватом власти в Риме Марий и Цинна решили прибрать к рукам Испанию. Основное богатство нашей земли – серебро и воины – нужны были Риму всегда. В обе испанские провинции, Бетику и Тарраконскую Испанию, направили новых наместников с преданным войском. Так как Марий и Цинна не смогли выделить достаточное количество легионеров для полной оккупации Испании, захвату подверглись лишь серебряные рудники и крупнейшие города обеих провинций. Отряд марианцев остановился и в небольшом городке Малаке². Город являлся выгодным портом, потому и удостоился подобной чести. Через него доставлялось в Рим серебро и прочие богатства Испании. Ко времени прихода в Малаку марианцев там находилось много бежавших из Рима людей, вроде тебя,

² Малака – так в древних источниках называли город и порт в Испании современную Малагу.

Марк. Волей обстоятельств им приходилось теперь покидать Малаку.

Бегать от господ привычнее рабам, но не людям сословия всадников и сенаторов. Поэтому они объединились в отряд, к ним примкнули всадники Малаки и владельцы окрестных вилл. Марианцы, занимая их дома и присваивая имущество, озлобили и тех и других. Дабы утолить желание мести, беглецы напали на серебряный рудник, перебили стражу и отпустили на волю рабов. После скитаний по горам и лесам они оказались на моей вилле. Сегодня к вечеру отряд вновь собирается в путь, и я подумал...

– Ты правильно подумал, Вибий. Мне до того надоела проклятая пещера, что я и сам собирался покинуть ее.

– Может, не стоит спешить? – осторожно предложил Вибий Пациан.

– О чем ты говоришь, друг? Ты предлагаешь мне сидеть, словно кроту, под землей, и ждать, пока другие будут сражаться за свободу Рима и добывать победу? Нет, не бывать этому!

Красс оставил Пациана и с быстротой молнии ворвался в пещеру.

– Друзья! – воскликнул он. – У нас появилась прекрасная возможность отомстить Цинне и его приспешникам за наши унижения и смерть близких людей. Недалеко стоит отряд римлян, которые, не жалея жизни, сражаются за свободу Отечества. Присоединимся же к храбрым людям и кровью

смоем позор бегства!

Сервий и Децим давно не видели Красса таким возбужденным. Они проявили гораздо меньше энтузиазма: видимо, пещерная жизнь не успела им опротиветь. Однако, повинуясь старшему товарищу, они принялись собирать свои вещи.

– Кто такие эти люди? – спросил Децим.

– Друзья, не задавайте вопросов, я знаю немногим больше вашего, – отмахнулся Красс. – Берите с собой только оружие и самое необходимое.

– Самое необходимое для нас – Елена, – усмехнулся Сервий.

– О женщинах забудь, дорогой Сервий. Они тебе понадобятся не скоро, – не поддержал шутки Красс.

Елена и Эппия стояли в стороне и с тревогой наблюдали за сборами римлян. Едва Красс произнес последние слова, Эппия опрומетью бросилась к нему и упала на колени.

– Господин! – с мольбой в глазах и дрожью в голосе произнесла она. – Ведь ты возьмешь меня с собой?

– Нет, Эппия. Об этом не может быть и речи. На войне нет места женщине, и потом, как я буду выглядеть в глазах товарищей, взяв тебя с собой? Так что встань с колен и не унижайся напрасно.

– Но ведь ты берешь с собой рабов, а я твоя рабыня.

– Во-первых, с сегодняшнего дня, Эппия, ты свободна. Во-вторых, даже рабов я возьму далеко не всех. Повара придется оставить на вилле Пациана.

Только Красс успел это сказать, как толстяк Требоний неуклюже занял место поднявшейся с колен Эппии.

– Что на вас нашло?! – взмолился Красс. – Едва одну поднял, как другой упал. Что тебе угодно, Требоний? Хочешь поблагодарить, что оставляю на вилле?

– Господин, не отдавай меня Пациану! Я твой раб и должен везде следовать за тобой.

– Чем же, Требоний, ты недоволен? Мой друг – хороший человек – и неплохо относится к рабам. Ты будешь жить в тепле, не зная голода и неудобств походной жизни.

– Не оставляй меня, господин! Ведь тебя и воинов нужно кормить, и я смогу быть полезным.

– Повар ты, конечно, хороший, но уж очень не приспособлен к предстоящим трудностям.

– Я все выдержу и, клянусь, не доставлю тебе хлопот. А если не хочешь взять с собой – лучше убей, но не оставляй на вилле.

– Хорошо, – согласился, наконец, Красс. – Но помни, в пути я не должен даже подозревать о твоём существовании, пока не наступит время кормить воинов.

Малака

Воины настороженно, но с интересом встретили небольшой отряд Красса. Марк, в свою очередь, оказавшись в лагере повстанцев, не знал, как быть дальше: обратиться к легионерам или искать старшего над этими людьми?

– Марк Красс! – вдруг услышал он. – Это же сын бывшего наместника Испании!

Красс нашел глазами человека, взявшего на себя обязанности номенклатора³.

– Публий Пет! – воскликнул в свою очередь Красс.

Знакомым Марка оказался молодой человек из сословия сенаторов Публий Автроний Пет. Красс был старше его на несколько лет; он встречался с Петом в Риме два-три раза, и то лишь мельком. Не обладай он исключительной памятью на имена и лица, едва ли узнал бы Публия Пета. Встретившись в чужом краю, римляне крепко обнялись как старые добрые друзья.

Приветствия Пета послужили Крассу и его спутникам и пропуском в лагерь, и лучшей рекомендацией. Как выяснилось позднее, сам Пет и возглавлял это разноликое воинство.

В Крассе пробудилась кипучая жажда деятельности. По-

³ Номенклатор – раб, обязанностью которого было называть господину встретившихся ему людей.

сле стольких месяцев безделья в пещере он получил возможность участвовать в борьбе и мстить за смерть своих близких. Вот оно, настоящее войско, правда, малочисленное и лишь отдаленно напоминающее спаянные железной дисциплиной непобедимые римские легионы. Однако оно уже одержало победу, а ничто так не укрепляет дух и не придает сил, как победа, какой бы малой она ни была.

Красс критически осмотрел лагерь и пришел к выводу:

– Твои воины, Публий, забыли, как строится римский военный лагерь.

– В отряде половина испанцев, а они понятия не имеют о наших законах ведения войны, – оправдывался Пет.

– Даже если бы их было три четверти, лагерь должен оставаться римским. Если на нас нападет неприятель, его ожидает легкая добыча.

– Я выставил посты, к тому же мы скоро уходим из этих мест, – продолжал защищаться Пет.

Эти объяснения нисколько не охладили пыл Красса. Он продолжал ходить по лагерю и заставлял воинов перестраивать его в соответствии с римскими традициями. Публий Автроний Пет двигался за ним по пятам и кивком головы подтверждал распоряжения Красса.

– Где казнохранилище? Почему на его месте рядом с палаткой претора пасутся лошади? Ведь вы захватили серебряный рудник; должна быть приличная добыча.

– Серебра мы действительно захватили немало, но его

пришлось разделить между воинами во избежание бунта.

За ужином Красса словно подменили. Он угрюмо хранил молчание, не обращая внимания на шутки легионеров, предметом которых стал Требоний.

– Ты снова чем-то недоволен, Марк? Если тебе неприятно, что воины подшучивают над поваром, я прикажу им замолчать, – предложил Пет.

– Нет, что ты, Публий. Я привык, что внешность Требония везде вызывает смех. Отчасти из-за этого его держу, и веселюсь вместе со всеми.

– Тогда в чем же дело?

– Публий, я виноват перед тобой в том, что, едва появившись в лагере, принялся распорядиться словно консул. Против своей воли я посягнул на твою власть и теперь прошу простить...

– Напротив, Марк, я благодарю тебя за исправленные ошибки.

– Если я прощен, благородный Публий, то позволь сражаться за свободу Рима. Укажи мне и моим спутникам место в строю.

– Что ж, сделаю это с удовольствием. Я посоветовался с ветеранами и решил передать тебе свою власть. Определи, Марк Лициний, место в строю для друзей, а заодно, и для меня.

– Я не могу принять такую жертву, – Красс не сразу опомнился от неожиданного предложения.

– Это не жертва, Марк, поверь мне. Ты приходишь из знатного, влиятельного рода. Благодаря отцу – бывшему наместнику Испании – твоя фамилия пользуется большим уважением, как среди римлян, так и среди испанцев. И, наконец, сегодня ты доказал, что обладаешь немалым военным талантом и опытом.

– Хорошо, Публий, я согласен с твоим предложением, если это пойдет на пользу делу, – Красс с трудом подавил охватившую его радость. – Но давай разделим власть на двоих. Ты хорошо знаешь местные условия, своих легионеров, и без твоей помощи нам не видать победы.

На рассвете следующего дня Красс с войском покинул гостеприимное поместье Вибия Пациана.

Долго стояли на холме две женщины, провожая взглядом уходящий отряд. У белокурой красавицы слезы текли ручьем, но она даже не пыталась их вытирать. Едва сдерживая рыдания, Эппия шептала:

– Почему он не попрощался? Почему даже не взглянул на меня?

– Опомнись, Эппия, мы бедные рабыни, а его ждут богатые холеные патрицианки. Оставь, наивная Эппия, пустые надежды и порадуйся со мной. Ведь мы теперь свободны! – утешала подругу более рассудительная Елена.

Она была права лишь отчасти. В данный момент Красса вообще не интересовали женщины. Даже если бы на холме стояла египетская царица во всем своем великолепии и

блеске, все равно римлянин, не задумываясь, ушел бы с этими грязными, оборванными и вооруженными чем попало людьми.

Отряд медленно двигался по узкой лесной дороге. Легионеры, обливаясь потом, тащили захваченное на руднике серебро и прочие ценности. Маленькое войско растянулось на целую милю, и Крассу то и дело приходилось подгонять отстающих. Отряд больше походил на торговый караван и представлял собой довольно легкую добычу.

– Надо забрать у них все, кроме оружия, иначе мы погибли, – сделал вывод Красс.

– Я предложил им сдать все в казнохранилище и за это едва не заплатился жизнью, – безнадежно махнул рукой Пет.

И все же к концу первого дня пути Красс нашел способ сделать свое войско более маневренным и боеспособным. Он приказал от каждого десятка выделить по одному человеку из наиболее заслуживающих доверия. Остальные девять человек сдали имущество на хранение своему избраннику. Оно было погружено на лошадей и на марше находилось в центре колонны. Теперь Красс, имея воинов, а не носильщиков, смело шел по испанской земле.

Обходя крупные города, он охотно посещал виллы, земледельческие поместья и испанские селения. Отряд Красса быстро увеличивался. В него вливались римляне, недовольные Цинной и Марием, греческие колонисты, но особенно

много было испанцев. Привычные к войне, они какими-то особыми, только им ведомыми способами находили Красса и толпами присоединялись к нему. Большинству испанцев было все равно, на чьей стороне воевать, и к мятежным римлянам они примкнули с единственной целью – вволю пограбить поверженных врагов. Впрочем, они почему-то верили в удачу Красса и на первых порах беспрекословно исполняли все распоряжения военачальника и его легатов.

За две недели мятежный отряд превратился в неполный легион. Когда Красс подошел к Малаке, у него за спиной стояло три с половиной тысячи отчаянных воинов.

С Малаки сын бывшего наместника Испании решил начать войну против убийц своих отца и брата. Избранным объектом нападения были довольны испанцы. Им грезились горы драгоценных металлов на городских складах и прочая добыча. Горели желанием подняться на стены Малаки и римляне, составлявшие костяк легиона. Некоторые из них являлись жителями этого города, другим Малака дала приют после бегства из Рима. Молодежи не терпелось покрасоваться в качестве освободителей перед оставшимися в городе девушками.

Расположив армию на поляне, Красс с немногочисленными сподвижниками вышел на опушку леса. До города оставалась примерно миля.

Малака была как на ладони. Город, словно подкова, опоя-

сывал врезавшийся в материк залив. Стены не казались высокими и прочными, лишь двое городских ворот с восточной и западной стороны были укреплены башнями. На них маячили фигурки легионеров. Кое-где на стенах виднелся строительный материал: бревна, камни. Вокруг суетились люди. Видимо, марианцы, понимая важность порта, занялись укреплением стен.

Спутник Красса смотрел на город широко раскрытыми глазами.

– Публий, никак не узнаешь город, давший тебе кров?

– Еще бы! Когда я его покидал, над воротами не стояло башен, да и стены вокруг западных ворот были локтя⁴ на четыре ниже.

– Еще неделя, и стены стали бы неприступными, – согласился Красс. – Но пока на них можно взобраться с помощью обычных лестниц.

– Не лучше ли начать штурм прямо сейчас? – предложил Пет. Его взгляд приковали рабы, укладывающие камни на укреплениях.

– Начнем завтра утром, – голосом, не терпящим возражений, заявил Красс. Он уже принял решение. – За полдня враги многое сделать не успеют, а наши люди тем временем отдохнут.

– Все ясно, Марк. Возвращаемся назад?

– Подожди, Публий. Взгляни на корабли, стоящие в аква-

⁴ Локоть – 44,4 см.

тории порта. Хорошо бы ими завладеть.

Едва на востоке забрезжил рассвет, Марк Красс вышел из леса во главе разноплеменного войска. Воинственные испанцы вскоре обогнали своего полководца и, оглашая окрестности дикими криками, устремились к восточным воротам. Не обращая внимания на летящие со стен редкие камни, испанцы принялись карабкаться вверх по приставным лестницам. Пользуясь неожиданностью и суматохой, двум десяткам воинов удалось достичь цели, и они уже начали выяснять, кто ступил на стену первым. Первому полагался стеной венок – высоко чтимая в Риме награда.

Красс издали наблюдал за действиями своего небольшого воинства. Вскоре ситуация изменилась. На помощь защитникам восточных ворот прибыли воины с других участков стены. Полуодетые легионеры бежали из расположенных поблизости казарм. Вниз полетел один испанец, второй, третий... Проводив взглядом третьего, Марк Красс повернулся к лесу и махнул рукой.

Через мгновение из леса вылетели две колонны римлян, ведомые Публием Петом. Вперед вырвался отряд всадников и поспешил к самому низкому участку стены. Прямо с лошадей они прыгали на стены и, не встречая достойного сопротивления, проникали в город. Пользуясь приставными лестницами, пехота Публия Пета, почти правильным строем, входила в город.

– Отлично! – воскликнул Красс.

Стоявшие подле него испанские вожди явно не разделяли радости командира. Их воинов, всех до единого, сбросили со стен. Раненые вперемешку с погибшими десятками лежали подле злосчастных ворот. Защитники лили на головы испанцев горячую воду, расплавленную смолу, метали камни и дротики.

– Сервий! Отводи испанцев от восточных ворот. Они сделали свое дело.

Но команда была излишней. Испанцы, встретившие жесточайший отпор со стороны защитников города, отходили и без приказа. Пятясь назад, словно побитые собаки, они искали виновников неудачи. Одни выкрикивали проклятья малакцам, другие обратили свой гнев на Марка Лициния Красса.

– Ты послал нас на верную гибель! – кричали они. – Почему мы сражались на самом защищенном участке стены?! Восточные ворота стали красными! Это кровь наших братьев!

Хитроумный план Красса удался. Город был у него в руках, однако самому военачальнику грозила смерть от собственных взбунтовавшихся солдат.

– Доблестные воины! – как можно громче воскликнул Красс, стараясь перекрыть мятежных испанцев. – Благодаря вашему мужеству и храбрости, легионерам Публия Пета удалось захватить часть стены и проникнуть в Малаку. Идите же вслед за ними. Теперь вы можете спокойно расправиться

ся с защитниками города, отомстить за свои раны и смерть товарищей. Городские склады полны серебра, которое ожидает отправки в Рим. А сколько разного добра хранят его роскошные дома! Это все ваше! Идите и возьмите!

Упоминание о добыче оказало магическое действие на испанцев. Оставив в покое своего военачальника, они, словно смерч, понеслись к злополучной стене.

Красс облегченно вздохнул.

Следуя дорогой Публия Пета, испанцы без труда оказались в городе. Вот тут-то они дали волю своим страстям! Убивали всех без разбора: оказывающих сопротивление уничтожали с особой жестокостью. Безоружные и старики, господа и рабы – все приносились в жертву на алтарь войны. Прямо на улицах насиловали женщин. Уступая неудержимому напору, трещали двери домов, и вакханалия продолжалась внутри жилищ.

Марк Красс, окруженный преданными легионерами, с огромным трудом пробился к гавани. Мешали толпы испанцев, тащившие по узким улочкам города все, что представляло хотя бы малейшую ценность.

– Рад видеть тебя живым и невредимым, – встретил Красса Публий Пет.

– Как дела у тебя?

– Захвачено десять больших кораблей и множество мелких. Две триеры доверху нагружены серебряными слитками, другие забиты продовольствием.

– Неплохо, Публий, – похвалил Красс. – Скольким кораблям удалось уйти?

– Мы упустили двухпалубное суденышко и триеру, – доложил Пет.

– Ничего страшного, напасть на нас они не осмелятся. Беда может подойти с другой стороны. Нельзя подпускать к кораблям испанцев, пока они не успокоятся. Выставь заслон из самых надежных легионеров и, если будет необходимо, применяй оружие без колебаний.

– Но ведь эти дикари уничтожат город!

– Ничего не поделаешь, Публий, Малакой придется пожертвовать. Испанцев не остановит никакая сила – они слишком озлоблены потерями у восточных ворот.

Африка

На следующий день состоялся военный совет. На повестке стоял один вопрос: что делать дальше?

Римские начальники и вожди испанцев наперебой спорили друг с другом, предлагая свои планы. Одни, окрыленные удачей, настаивали на захвате ближайших городов, другие, более отчаянные, требовали вести их на богатый Новый Карфаген, третьи осторожно предлагали уйти в леса и пополнять людьми свой легион в испанских селениях и на виллах.

Красс долго и терпеливо слушал своих подчиненных, но когда дело дошло до взаимных оскорблений, предостерегающе поднял руку вверх.

– Римляне! В недавнем бою вы показали себя достойными славы предков. Я рад, что и сейчас ваши помыслы направлены на борьбу с врагом, – Красс повернул голову к испанским вождям. – Доблестные испанцы! Вы явили чудеса храбрости при штурме Малаки. Я надеюсь и далее видеть ваших воинов в рядах легиона. Вы сражались за свободу Рима, и Вечный город не забудет своих защитников.

Марк Красс сделал паузу. Все понимали, что сейчас услышат главное, и потому хранили молчание.

– Друзья! – продолжил речь военачальник. – Я внимательно выслушал ваши смелые планы. Они достойны уважения, но не подходят нам. Легкость, с которой Малака попала в на-

ши руки, не повторится с Новым Карфагеном. Не забывайте, что успеха мы достигли благодаря неожиданности; немало помогли нам смятение и паника в рядах защитников. Теперь враг предупрежден и ждет нападения везде.

– Мы взяли город, потому что легион вел ты, Марк Красс, – подал голос Публий Пет. – Именно ты сумел обмануть врага с помощью ложного штурма восточных ворот, и без особого труда ворваться в город с другой стороны. Мы верим в твою мудрость, Марк Красс, и готовы идти за тобой куда угодно.

– Благодарю, Публий. Твои слова – лучшая награда для меня. Но оставьте иллюзии: горстка воинов, какими бы храбрыми они ни были, не в силах противостоять многочисленным ветеранам Мария. Я уверен, после падения Малаки все силы врагов пришли в движение, и в скором времени начнется настоящая охота на нас. Если уйти в леса, можно продержаться длительное время и даже рассчитывать на успех. Но в этом случае придется отказаться от флота. Более десятка великолепных кораблей, нагруженных серебром и продовольствием, очень нужны Сулле. В далекой Греции он противостоит мятежникам и сражается с Митридатом. Луцию Корнелию Сулле сейчас трудно – Рим лишил его продовольствия, денег, подкреплений, — мы должны ему помочь. Поэтому решение будет следующим: легион грузится на корабли и переправляется в Африку к ближайшему союзнику Суллы — Квинту Метеллу Пию.

Немедленно начали готовить суда к отплытию. После погрузки численность легиона сократилась до двух с половиной тысяч человек. Почти тысяча испанцев разбежалась по селениям. Им были чужды интересы далекого Рима, а добычу в Малаке они захватили немалую. Марка Красса это обстоятельство не сильно огорчило: храбрые, но не признающие дисциплины, склонные к мятежам и жадные к добыче, испанцы доставляли немало хлопот.

Без особых трудностей флот Красса достиг Утики – столицы римской провинции Африка. Корабли не стали входить в городскую гавань, а заняли удобную бухту вблизи города. Здесь же, на берегу, римляне принялись возводить лагерь, а Красс тем временем послал гонцов к наместнику провинции.

Вскоре пожаловал сам Квинт Метелл Пий в сопровождении огромной свиты. Грузный наместник с трудом слез с коня. Лицо его выражало такое страдание, что Красс даже пожалел, что побеспокоил наместника своим визитом. Стерев с лица струйку пота, Квинт Метелл изобразил подобие улыбки и направился к гостю.

Стараясь говорить кратко, чтобы не утомлять наместника, Красс изложил свои испанские приключения.

– А почему вы разбили лагерь на берегу моря? – спросил Метелл. – У меня достаточно казарм в Утике. При желании мы могли бы разместить твоих легионеров в Гадрумете или Тапсе. Вы отдохнули бы там с большими удобствами.

– Благодарю, наместник, но мои легионеры привыкли к походной жизни. Ласковое африканское солнце, морской воздух, прибрежные пальмы – все это кажется им неземным блаженством в сравнении с лесами Испании.

– Не надо неволивать гостей, Квинт. Если им не нравится мягкое ложе, пусть спят на земле, – подал голос чернобородый человек, неотлучно находившийся подле наместника.

– Гай Фабий, мой легат, – представил его Квинт Метелл.

– Захваченное вами серебро очень кстати, – вновь вступил в беседу Гай Фабий, – у нас легионеры не получали денег несколько месяцев.

– Испанское серебро достанется Луцию Корнелию Сулле, – твердо произнес Красс.

– Кто так решил?

– Я и мои товарищи, мечами и кровью добывшие ценный металл.

– Сулле твоя добыча ни к чему, Красс. Он захватил огромные богатства в Греции, кроме того, забрал золото из храмов Олимпии и Дельф.

– Не думаю, что мои деньги будут ему лишними, – заметил Красс.

– Они нужнее нам. Африканские легионы на грани бунта. Из-за отсутствия денег мы не можем в полной мере обеспечить их продовольствием, – не унимался Гай Фабий, – а ведь наша провинция признает Суллу единственным законно избранным римским консулом.

– И что вы сделали, чтобы помочь Сулле? Как можно, имея под пятой одну из самых плодородных и цветущих римских провинций, морить легионеров голодом?

– Успокойся, Гай, – наместник взял за руку легата, готового взорваться от гнева, – гостям нужно отдохнуть, на их долю выпало немало испытаний.

– Как будет тебе угодно, Квинт.

Легат отошел в сторону, а Квинт Метелл обратился к Крассу.

– Каким образом, Марк, ты намереваешься попасть в Грецию? На море властвуют флоты мятежников, корабли Митридата. Я уж не говорю о пиратах. Скорее всего, в их трюмы и попадет испанское серебро.

– Честно признаться, я полагал, что ты также пошлешь помощь Сулле. Он побеждает, и нужно поспешить, чтобы получить хотя бы часть славы его побед.

– Ты смелый человек, Марк Красс.

– Не время быть трусом, Метелл. Рим в руках врагов.

– Я собираюсь послать помощь Сулле... думаю, недели через две. А пока... Кстати, ты бывал раньше в Африке?

– Нет.

– Тогда ты найдешь здесь много интересного. Советую посмотреть руины Карфагена, они стоят того.

...Сердце Красса затрепетало, когда он приблизился к величественным развалинам древнего города. И это не удиви-

тельно: хотя Карфаген лежал в руинах много десятков лет, память о злейшем враге Рима жила в умах и сердцах всех римлян.

Согласно преданиям, Карфаген был основан в 825 г. до н. э. переселенцами из финикийского города Тира. Выгодное положение, плодородная почва и трудолюбие населения быстро сделали Карфаген одним из самых могущественнейших городов Средиземноморья. Кроме Северной Африки, Карфаген владел частью Испании, Балеарскими островами, Сардинией, Корсикой и некоторыми областями на Сицилии. Они не могли не столкнуться: хозяин моря — Карфаген и Рим, которому становилось тесно на Апенинском полуострове, словно подростку, выросшему из детской туники. Желание безраздельно господствовать на богатом, плодородном острове явилось причиной Первой Пунической войны (264–241 гг. до н. э.). Закончилась она для Карфагена неудачно, он безвозвратно потерял Сицилию и выплатил Риму огромную контрибуцию.

Потерю Сицилии карфагеняне вскоре возместили на Пиренейском полуострове. Гамилькар Барка («Молния»), а затем его зять Гасдрубал покорили большую часть Испании. После гибели обоих власть над Испанией перешла в руки сына Гамилькара – Ганнибала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.